
Елизавета
Кукловская
Метель

Елизавета

Кукловская

„МЕТЕЛЬ"

роман в стихах

519 UNION AVENUE
PATERSON, N. J.
ZIP 07522 U.S.A.

Нью Иорк

Посвящаю памяти моей дорогой матери Елизаветы Ивановны Алышевской.

ПРОЛОГ

Бледнеет задумавшись полдень морозный,
Хорал колокольный поет
Церквей городских деловито-серьезно
Сзывая молиться народ.
Ползет стариков вереница седая
Молиться в святой Божий храм,
Там пьяный, шатаясь, идет напевая,
Умильно кивая столбам.
Спешат щеголи-офицеры в собранье,
Из школ бегут дети гурьбой,
И барыни, требуя гордо вниманья,
Дородной плывут чередой.
Но вот надвигается ночь, все темнеет,
Крепчает мороз и трещит,
Холодные улицы, смолкнув, пустеют,
Шум зимнего дня позабыт.
Вдруг звон бубенцов раздается нежданно,
Дрожат притаясь фонари,
Рысистые быстрые тройки к цыганам
Купцов мчат кутить до зари.
Цыганские песни красавицы Глаши,
Шампанское, вздохи гитар,
Застольные вновь наполняются чаши
Хмельной подымая угар.
Швыряют деньгами, кутеж до рассвета,
Рождается буря страстей,
Становится нищим богач, а за это:
„Ямщик, не гони лошадей."
А в поле кричит непогода, буянит, —
Беда тем кто ночью в пути,
Чьи сани метелица злая застанет,
Дороги во тьме не найти.

Деревня вся спит, только церковь открыта,
Высокий священник седой
Венчание тайное кончил молитвой
Крестьянской четы молодой
Сердитая зáмять кружится взвывая,
Неистово ветер гудит.
Гнев матери страшен, Арина вздыхает
И к мужу прижавшись, дрожит.
Степана безумно она полюбила,
С ним век обещала прожить,
Из дому бежала тайком, все забыла....
Захочет ли мать их простить?
Упряма и властна не любит Арину.
Давно как осталась вдовой,
Поставила на ноги дочек и сына
Своей деловитой рукой.
Хозяйство казачка вела образцово,
Доходы росли на глазах,
Одно ее веское, властное слово
Грозу нагоняло и страх.
Гнев, слезы, победная ярость метели,
Прощение, радость любви,
Счастливою песнею дни зазвенели
Волшебною сказкой весны....
И снежной черемухой зимы мелькали,
Пошли казаки на войну.
Три раза Степана в поход снаряжали,
И вновь обнимал он жену.
Потом подошла революция, смуты.
Вернулся Степан загрустил,
Все ездил в большую станицу к кому-то
И к белым бежать порешил.
Бежал темной ночью, груз бед навалился,
Лишенья не знали конца,
Невзгоды и голод, ребенок родился
И начал расти без отца.
В округе все грабили, жгли и стреляли
К Арине мать жить перешла.
Хозяйство и новую хату забрали
Жизнь бурным руслом потекла.
И сразу вдруг старой России не стало,
Кровавый угарный туман,
Умело над прошлым спустил покрывало
И злобы посеял дурман.
Торжественный гул отгудел колоколен.
Россия, старинных веков,
Твой облик осмеян, удел обездолен,

Не знала своих ты сынов,
Честь попрана, гордость и слава разбита,
Твой говор души отшумел,
Тоскливая песнь ямщика позабыта
И звон бубенцов отзвенел.
Не стало приветливой старой России,
В октябрьскую слякоть и грязь
Под властью могучей и злобной стихии
В ней новая жизнь началась....

Глава I

Россия, Россия, большая Россия,
Родная моя сторона.
Широкие степи, глубокие реки,
Холодных снегов тишина.
Леса без тропинок, поля без пределов,
Святое величие гор,
Моря и озёра и радостно-смелый
Земной необ'ятный простор.
Глухие селенья далекой Сибири,
Пушнины богатой следы,
Волнующей нивы мечты золотые,
Суровые ветры и льды.
И радужность северных дальних сияний
Над льдами полярных морей.
Кавказа задумчивость лоз виноградных,
Ковыль безграничных степей.
Приветливый берег счастливого юга,
И запах весенней травы.
Метели, февральская снежная вьюга
И белые ночи Невы.
Украинских сел белый цвет горделивый,
Таинственный шум тополей,
Мороз беспокойный, седой и ворчливый
И первый лесной соловей.
Степные напевы заволжского края,
Великий простор-ширина.
Россия, Россия, большая родная,
Далекая мне сторона......

Большое село золотой Украины:
Вишневых садов аромат
И скромный уют беспокойно-старинных
Побеленных маленьких хат.
Здесь речка, овраг и поля за дорогой,
Там мельница, школа и лес,
А если посмотришь направо немного —
То снова простор до небес.
Вот дом эконома резной деревянный:
Большой и особый почет.
Директор совхоза Мирон Емильяныч
Сам в доме таком не живет.
А что говорить о других о крестьянах
И наша Россия не та.
Довольно мы слышали лжи и обмана
Повсюду живет нищета.
Некрасов, теперь посмотри на Россию
И вместе со мною всплакни,
Крестьянские стоны послушай больные
Слышнее и громче они.
Взгляни на убогие наши селенья,
На наши пустые дворы —
Такого не ведали мы разрушенья
Такой не знавали поры...
Постигла нас, видно, жестокая доля
Опричины час наступил,
Связали, запутали крепкую волю,
Лишили надежды и сил...
Со мною пройди по России убогой
И это село посети.
Ты в старую хату у края дороги
Тихонько без стука войди....
Вот стол, табуретка, на лавке посуда
И старая русская печь,
Икона в углу, уцелевшая чудом,
Икону сумели сберечь.
Старуха лежит и по-дому заботы
Все девочка Надя несет.
Хозяйка Арина в совхоз на работу
Одна на рассвете идет.
Давно без хозяина ветхая хата
Давно он покинул село.
Хозяин был белым когда-то солдатом, —
Не знают куда занесло.
А жив ли, подумать об этом боится
Не то, чтобы громко сказать,

Ведь надо работать, а дочке учиться,
Хворает все старая мать.
Дождливая осень тоску нагоняет,
Стоят на дворе холода,
Одни сапоги, да семья небольшая
И это еще не беда.
И то не беда, что приходится трудно
И тянутся ночи без сна,
Работает много, питаются скудно
И часто сама голодна.
А то, что ночами печалится ветер,
Над хатою песни поет,
Один он летает по белому свету
И знает, где милый живет.
Хозяина ждет постаревшая хата
И верное сердце жены.
Да, крепко он ей полюбился когда-то
Казак из Донской стороны.
Но было недолгим семейное счастье,
Не долго гуляла весна,
Те дни заменило лихое ненастье, —
Арина осталась одна.
Суровые тяжкие, страшные годы,
И вы одинокие дни.
Вы — ночи безсонной и злой непогоды
И только печали одни......

Глава 2.

Заснуло село... Спят усталые хаты.
На землю спустился покой.
Расходятся где-то с гулянки девчата,
Звенят голоса за рекой.
Чарующих песен мотивы простые
Тревожат тоскливую тьму.,
Нет звезд, даже месяц рога золотые
Упрятал за тучи во мглу.
Насупился вечер... Сердито несется
Июньского ветра напев.
И чудится... вот... прогремит и прорвется
Грозы подползающей гнев.
Все глуше, темней, голоса отдаленней
Вот смолкли и смех не звенит.
Все стихло... В окне огонек утомленный

В одной только хате горит.
Мерцает лампадка притихшей печалью.
Старуха с печи не встает,
Лежит, только стонет и бредит ночами,
Не ест ничего и не пьет.
Сегодня особенно плохо ей что-то,
С утра задыхалась сильней,
Арина в тревоге спешила с работы
Домой прибежать поскорей.
Испугано Надя слезу вытирает,
Арина подсела к больной,
Подушки заботливо ей поправляет
Своей огрубевшей рукой.
Все стонет больная и бредит и рвется
Горит, как в огне голова,
То речь ее плавно, сознательно льется,
То связность теряют слова.
Вот что-то тихонько шептать начинает
На дочку взглянула с мольбой.
Арина над нею молитву читает
И просит послать ей покой.
Так вечер проносится мрачный и темный
Гроза началась над селом.
Вот грома раскаты и жалобы молний
Смешались с холодным дождем.
Запрятавшись филин несчастье пророчит.
И лес головою поник.
Вся злоба и ярость рассерженной ночи —
Природы разгневанной крик.
Сильнее сердитого грома удары
И молнии яростней путь.
В такую грозу возникают пожары
И глаз невозможно сомкнуть.
Старуха все стонет и бредит тревожно,
А много ль осталось ей жить?
Арина старается всем чем возможно
Страданья больной облегчить.
Минуты бегут накопляясь часами,
Смирившись отходит гроза.
Вот скоро рассвет постучится огнями
И встретят восход небеса.
Как будто с грозой отдалясь затихает
Дыханье больной все слабей
И тихо навеки она засыпает
С семьей попрощавшись своей.
Арина и Надя над нею рыдают,

Доносится стон со двора
И отблески молний в окошке мерцая
Пугают огнем до утра.
Восток розовеет румяной зарею
Кричат петухи вдалеке,
Совхозное стадо проходит большое
На луг к говорливой реке.
Вот птицы взвиваясь летят в поднебесье
И радостно звонко поют
И бодро с вчерашней чарующей песней
Работать девчата идут.
А солнце восходит, трава зеленеет
Уверенней смотрят поля,
Веселое небо лазурью светлеет
И свежестью дышет земля.
Холодная смерть не пугает природу,
Безоблачна светлая высь.
Разнежилось утро, гордясь небосводом,
Опять просыпается жизнь.

Глава 3.

Стихийная буря войны над Европой
Двухлетний шумит ураган.
Считают в немецких военных окопах
Число завоеванных стран!
Голландия, Австрия, Чехия, Польша,
Вся Франция, Греция, Крит.
Союзников стало значительно больше
И бомбами Лондон разбит.
Загадочно смотрят суровые дали
И призрак победы во мгле
Смеющийся хищник над жертвой печали
Предвестник беды на земле.
На западе гаснут далекие зори,
Ночами страшней тишина,
А черною тучей над вспененным морем
В Россию ворвалась война.
Плывут и меняются лица украдкой
Взволнованных вестью людей
И вдовьей слезой материнской несладкой
Своих проважают детей.
Вновь вера проснулась угасших мечтаний

В великий крестовый поход, —
Оковы спадут многолетних страданий
И русский воспрянет народ.
Прозрачное утро смеялось, как будто,
Над злым вероломством земли:
Нежданной грозою в июньское утро
Границу войска перешли.
Посыпались бомбы с внезапною силой
Косою смертельной звеня,
Свистал миномет, пулеметы строчили, —
В аду закипела земля.

1). 1 Сентября 1939 года немецкая армия начала поход на Польшу. СССР в это время занял Западную Украину и Белорусию.

2). 8 Апреля 1940 года немцы заняли Данию, 10 Мая Бельгию, Голандию и Норвегию.

9 июня 1940 норвежский король бежал в Англию и в руках немцев очутилась вся северная Европа.

3). 10 мая была прорвана линия Мажино. 14 июня был взят Париж. 22 июня вся Франция капитулировала.

15 сентября начались бомбардировки Лондона Весною 1941 года немцы наступали в Египте, старались взять Ирак. Вызвали гражданскую войну в Сирии. Венгрия Болгария, Румыния стали союзниками Германии. В Апреле 1941 года оккупировали Грецию. 6 апреля 1941 года — Югославию, остров Крит.

Глава 4.

Украинским селам ночами не спится —
Они настороженно ждут,
А в небе летают зловещие птицы
И гибель на землю несут.
И бомбы летят и врезаются в крыши —
Сметается жизни стена
Все ближе и ближе, яснее все слышны:
Разрывы снарядов — война.
Так осень подкралась, закончилось лето
В тревоге злопамятных дней,
Приблизившись выстрелы слышались где-то
И взрывы пугали сильней.
Под ровный размеренный гул бомбовозов,
Под новый неслыханный гром
С семьей уезжает директор совхоза
И с ними седой эконом.
Бесчисленно движутся вдаль караваны
С колхозным скотом на Восток,
И беженцев группы плывут беспрестанно —
Панический хлынул поток.
Саперы минируют мост над рекою
А в школу гранат навезли,
Орудия ставят, готовятся к бою,
П хотные части пришли.
На станции ближней взорвали плотину,
Сжигают хлеба на полях,
И вместе с живой необычной картиной
На землю спускается страх.
Вдруг выстрелов вызовы грозно, раздались
У дальних окраин села,
Военные части врага приближались
Вплотную война подошла.
Ползли серой цепью немецкие танки,
Плыл дым боевого огня,
Спешила пехота, метались тачанки,
Взрывалась стальная броня.
И тут непонятное вместе смешалось
И хаты сравняло с землей,
Судьба Украины казалось решалась
Безжалостной чьей-то рукой.
А люди бежали, сгибаясь от страха,
Метались в кровавой пыли,
И все потеряв до последней рубахи,
Дома покидали свои.
Но слева и справа, как в смерче ужасном
Их смерть заметала собой,

Жестокая сила сбивала несчастных
Навек засыпая землей.
А к Харькову длинной, разбитой дорогой
отдельные люди брели

Среди уцелевших счастливцев немногих
Арина и Надя прошли.

Глава 5.

Взволнованный город не лучше деревни
Повсюду смятенье и страх
Спешат, уезжают в машинах военных
В товарных бегут поездах.
Там школьные группы послушной колонной
Уходят пешком на Восток,
Не могут вместить отъезжая вагоны
Людской нашумевший поток.
Бегут, отступают военные части,
Милиция ночью ушла,
А всем уголовным бежавшие власти
Амнистию дали вчера.
По городу грабят заводы и склады,
Пекарни, дома, погреба.
На улицах падая рвутся снаряды,
Слышней фронтовая стрельба.
Вдруг небо зарделось багрянным закатом
И крики прорезали тьму —
Последние части Чека воровато
Зажгли отступая тюрьму.
В тюрьме политических много осталось,
В тяжелых стальных кандалах
По небу кровавое пламя металось
В свинцовых дымясь облаках.
И слышались в воздухе памятной ночи
Ужасные стоны людей
И город запомнил, как дико хохочет
Пожар большевистских страстей
И мало таких чьи сердца бы не сжались
Всем страстно хотелось помочь,
Так в Харькове совесть живую сжигали
В октябрьскую страшную ночь.

***

Проснувшийся иней легко серебрится
На ветках, на крышах домов,
Октябрьского солнца восход золотится

Осенних загадочных снов.
Не слышно раскатов войны отдаленной,
Ни криков горящих людей
И Харьков затих тишиной упоенный,
Как в сказке заснул чародей.
Все жители спрятались, окна закрыли,
В торжественно-злой тишине
Немецкие части спокойно входили,
Ступая по русской земле.
Но к вечеру в шуме машин суетливых
Встревоженный город не спал,
Солдат на гармонике дерзко-крикливой
Немецкую песню играл,
И армии гордой изчезло величье —
Силен победителей мир,
С винтовкой в руке и лицом безразличным
Грабеж начинался квартир.
Безумный на жителей страх нагоняя
Немецкий сапог тяжелел,
Балконы домов городских украшали
Гирлянды повешенных тел.
По улицам двигались толпы евреев,
Гонимых, как скот на убой
Прикладом ружья подгонял озверелый
Немецкий жестокий конвой.
Вот трое проходят закованных в цепи
И дряхлый плетется старик,
Ребенок в разорванных жалких отрепьях
К груди материнской приник.
Везут на тележке старуху больную,
Там девушка с скорбным лицом
Ведет свою мать и сестренку слепую,
А брата убили с отцом.
У женщин раздетых на спинах побои
И ветер стыдясь присмирел,
Когда за кладбищенской белой стеною
Свершался позорный расстрел.
Неделя невиданных зверств бушевала
О ней не забудут века,
Кровавые строки дрожа записала
Истории нашей рука.

Глава 6.

Жизнь Харькова жутким кошмаром проходит,
Покой человека забыт,
По городу холод порядки наводит
И голод повсюду царит.
Два месяца темных, как ночь, пролетели
Вдали от родного села
Арина и Надя изведать успели,
Что людям война принесла:
Нетопленной комнаты злой безприветность,
Томительный мрак вечеров,
Безсилье людское, печаль, безответность,
Мучительный голода зов.
Тяжелой нужды каждодневной тревогу,
Упреки холодной зимы.
В грядущем надежды на милости Бога,
Забытого в прежние дни.
По городу снежная замять кружится
И ветер сугробы нанес,
Крепчает и к вечеру бешеней злится
Январский крещенский мороз.
Печатью он стекла своей отмечает,
Прохожим сердито грозит,
В оконные щели скользя проникает
И в двери войти норовит.
Арина у печки сидит догоревшей
Ждет дочь, не вернулась домой.
Ушла она утром из дома не евши
На прорубь к реке за водой.
И вот уже вечер спускается строгий —
Печальный кончается день.
Нет Нади, в Арининном сердце тревога
Из страха сплетает плетень.
И вместе со страхом все думы о муже
Упрямом донском казаке.
О, как он теперь им особенно нужен,
Услышит ли их вдалеке?
О том что он жив ей поведали ветры
Ночами в родимом селе,
Арина так страстно поверила в это,
Как в то, что есть свет на земле.
Настанет тот час, когда встретятся снова,
Велик и всемилостив Бог,
Счастливые мысли, вас очень немного
Среди непогод и тревог.

**
*

Со скрипом усталая дверь отворилась
И Надя с водою вошла,
Поставила ведра на стул опустилась,
Снимать сапоги начала.
Арина взглянула на дочку любовно,
Печурку с трудом разожгла,
Поставила греться похлебку безмолвно
Тарелки на стол подала.
Ты, мама, послушай как страшно и грозно
Все то что пришлось повидать.
Вот только согреюсь, ужасно замерзла,
Подробно хочу рассказать.
„Я с ведрами вышла. Не близко до речки
Мороз в своем гневе велик.
У серого дома на мерзлом крылечке
Стонал замерзая старик.
От голода женщина с меркнущим взглядом
Лежала в снегу у дверей,
Прижавшись продрогшие плакали рядом
Запуганных двое детей.
Опухшие лица голодных прохожих
Глядели бесстрастно на них,
О, Боже, никто им теперь не поможет,
А сколько несчастных таких.
На самом углу Театрального спуска
Немецкий кричал часовой,
Мужчины, впряженные в сани с искусством,
Тащили боченок с водой.
От дома до речки в ближайшую прорубь
Ты знаешь, четыре версты,
Как ценят в военную лютую пору
Ведро драгоценной воды.
И, правда, с трудом ведь она достается,
Когда возвращалась домой,
Дорогою немец подходит смеется,
Ведро опрокинул ногой.
Вернулась опять и опять ожидала,
Когда подойдет мой черед,
Я очень замерзла, так долго стояла —
Согреться мороз не дает.
Но снова — на горке мне вылили воду,
И снова вернулась, ждала,
Устало заснеженной дальней дорогой
Я медленно к дому пошла.
Навстречу по этой дороге обходной
Замученных пленных вели,

Толпою раздетой, замерзшей, голодной
Плененные воины шли.
Ничто перед этим нужда, огорченья
И будней печальный разлад.
Увидела тяжкие злые мученья
Затравленных русских солдат.
Пристреливал немец людей истощенных,
Упавших на стоптанный снег
В гноящихся ранах на смерть обреченных
Обманутых жизнью на век.
До самого дома по мрачной дороге
Был трупами устлан мой путь,
И лица убитых глядели так строго
Не знаю смогу ли заснуть?
Все храбрые люди, они не хотели,
А как бы могли воевать.
О, еслибы сразу понять все сумели
В России врагу не бывать.
Не смолкнул Суворовский клич за победу,
Россию разбудит война.
Особая честь в том, как верили деды,
Что русскому смерть не страшна.
И бранных полей наш народ не боится,
Ему умереть не дано.
Ты плачешь, родная, давай же садиться
Похлебка остыла давно.

Глава 7

Сердился февраль — бушевали метели,
В степи завывала пурга,
Ложась по дорогам в сугробах белели
Холодной России снега.
Бежавшие пленные крались дорогой,
Спешили скорее идти,
Стучась на ночлег у жилого порога,
Меняя одежду в пути.
Запретов не слушая власти сердитой
Повсюду пускали солдат,
Случайным гостям были двери открыты
Крестьянских приветливых хат.
А утром с рассветом хозяйка будила

В первый же год войны к немцам попало до 3-х мил. советских солдат и офицеров. Люди не хотели умирать ради защиты коммунизма.

Затем, убедившись, что внешний враг СССР стремиться уничтожить не только коммунизм, но и истребить население, они стали драться не за коммунизм, а за существование народа, русского народа.

В дорогу дав хлеба кусок,
Мужайся, родимый, она говорила
Мой тоже на фронте сынок.
И может его обогреет в дороге
Печальная чья — нибудь мать,
Надеемся все мы на милости Бога —
Знать будет в пути сберегать.
Сердца уходящих слова согревали
И в песнях метели звеня,
Все горести их позабыть помогали
В суровые дни февраля.
Под стоны метелицы версты считая
Страдалицы нашей земли,
Усталые женщины русского края
Искать своих близких брели.
Покрылись мозолями ноги больные,
Глаза покраснели от слез,
А комьями ветер хлестал снеговыми
И лица калечил мороз.
Из лагеря в лагерь с котомкой походной
В убогой одежде своей
Шли женщины вырвать от смерти голодной
Плененных своих сыновей.
Но Вас не пугали невзгоды лихие
И данному слову верны
Вы в ногу с мужьями шагали своими
В жестокие годы войны.
Голодным, измученным Вы помогали
Делили все то, что могли,
Так в тяжких несчастьях мы снова узнали
Вас женщины русской земли.

Глава 8

Весна... Солнцу рады родному, как другу
Просторной России луга,
И ласковый берег счастливого юга,
И серая, злая тайга.
Кукушка приветливо где-то кукует,
Плывет облаков пелена
В далеком Иркутске улыбку простую
Небрежно бросает весна.
В прогалинах снега сурового края
Виднеется мох вековой,
Где гордый олень величаво ступая
Проходит промерзшей тайгой.
Где солнце так редко и скупо сияет,

Где серые будни мрачны,
Природа и там молодясь оживает,
Согретая лаской весны.
Ока всколыхнулась, не может уняться
Разлива могучий поток.
В еловых лесах ручейки веселятся
Подснежника глянул глазок.
Летит на рассвете с ликующим криком
Родных журавлей караван
К покинутым гнездам в болотищах диких
Из теплых наскучивших стран.
Верховье Днепра... Здесь весна украшает
Величие Брянских лесов.
Проворная белка дупло покидает,
Хор птичьих растет голосов.
Уверенно дятел стучит длинным носом,
Малиновка в небе поет,
И вербочек первых задором несносным
Стена на лужайке встает.
Цветет как невеста весной Украина
Вся в белых вишневых цветах,
Сверкая на солнце улыбкой счастливой,
Светясь в самоцветных камнях.
Везде оживают поля и долины,
Дубравы глядят веселей,
А в рощах послышался говор грачиный
В сияньи закатных огней.
Скворцы у скворешен шумят хлопотливо
Мозаикой блещет земля,
А ночкой весенней звенит переливом
Волшебная трель соловья.
Безбрежная гладь необъятного моря
Сроднилась с лазурью небес,
На южном счастливом прибрежном просторе
Раскинулся пальмовый лес.
Весеннее солнце на юг посылает
Лучей золотистых мечту
Толпа кипарисов влюбленно вздыхает,
Магнолия бредит в цвету.
Певучая радость весенних напевов
Нарушена грозной войной,
Земля содрогается в пушечном гневе
Пылает огонь фронтовой.
От Арктики дальней до Черного моря
Шумят с новой силой бои
Слезою и кровью омыты просторы
Страдальческой русской земли.

Так Питер в кольце остается, как прежде,
С туманом притихшей Невы,
И немцы в уверенно-дерзкой надежде
Стучаться в ворота Москвы.[1])
За южную крепость — седой Севастополь
Ведется отчаянный бой —
Взрываются мины со свистом в окопах,
Разносится пламя с землей.
Но сеть укреплений противится долго
Упорствует русский солдат.
Немецкие полчища ринулись к Волге
Пытаются взять Сталинград.[2])
Стремительный натиск захвата впервые
Задержан в широкой степи
И встала, как будто бы грудью Россия,
Борясь за владенья свои.
За каждую улицу, блок и строенье,
За каждый оставшийся дом,
Приходится немцам бороться смертельно,
Победа дается с трудом.
Сменяются ночи кромешного ада,
Мелькают безумные дни,
На улицах бывших в огне Сталинграда
Кровавые длятся бои.

---

[1]) 15 Октября 1941 года войска немцев стояли под Москвой.

[2])Сталинград — город Царицын, переименнованный теперь в Волгоград. События тех времен были следующие: Киев был сдан после 2-х месячной борьбы. Маршал Буденный (750 тысяч. армия) был разбит. 15 сентября немцы взяли Киев — Столицу Украйны. В боях за Днепр немцы взяли 600.000 пленных Несмотря на сопротивление маршала Тимошенко немецкая армия в 1942 г. очутилась на верховьях Кавказа и на границе Азии.

В это время Япония 7 декабря 1941 г. напала на главную Американскую пристань „Жемчужную пристань" и стала владычицей в море между Японией и Америкой. В это время Англия и Америка начинают помогать России, половина военной продукции идет туда: 8.800 аэропланов, 5.200 танков, 190.000 машин, 7.000.000 обмундирования, 200.000 тон взрывчатого материала, бесчисленные транспорты стали и продуктов. В декабре 1941 г. Вальтер Браухич попал в немилость Гитлера и

командование всем взял на себя сам Гитлер, начались неудачи. Весной 1942 г. американцы бомбардировали Японию и выиграли битву около Коралловых островов затопив одну треть всех немецких подводных лодок. Помощь Америки дала возможность России начать контратаку.

Глава 9

Пожар Сталинграда... В агонии ночи
Сентябрьская плачет пора.
Немецкие пушки расчетливо — точный
Обстрел начинают с утра.
Растет полковой артиллерии грохот,
Тяжелый свистит миномет,
Орудий безумный немолкнущий хохот
Несется срываясь вперед.
Свирепствует бомб разъяренная стая,
Как смерчь завывая летит.
Над пеплом рыдает метель огневая,
Земля, задыхаясь, горит.
Так длится часами огонь ураганный —
Отчаянный смерти разгул.

Но вдруг тишиной неожиданно-странной
Сменяется грохот и гул.
Из щелей земли, из глубоких подвалов,
Сжимая в руках автомат.
К позициям русских, ползут к перевалу
Немецкие цепи солдат.
У русских, кто спасся, кто выдержал, выжил,
Собравши десятки гранат,
Ручной пулемет пододвинул поближе,
К плечу передвинул приклад,
Застыл в ожиданьи... Мгновенья бежали,
Дыханье в груди затая,
С волненьем подхода врага поджидали
Под натиск прямого огня.
Громадою страшной, лавиной широкой
Вот грозные цепи ползут
Все ближе и ближе... У самых окопов
Стеной неразрывной встают.
Вдруг грянули залпы, метель огневая
Теперь изменила маршут.
Стальной контратаки рука волевая

Послала смертельный салют.
Немногим счастливым вернуться судилось,
На поле, на бранном легли
И трупами немцев убитых покрылся
Прогон Сталинградской земли.
Так целое лето в атаках безсменных,
В боях оборонных прошло
Успехом победы врагов переменным
Огнем Сталинград замело.
В предволжских просторах степи необъятной,
Где грозные длились бои,
Там воин советский стал русским солдатом —
Хозяином русской земли......
В те дни, когда дымом и запахом трупным
Наполнился воздух степей,
Ползли от Эльтона по нижней Ахтубе
Несметные силы людей.
Текли от Саратова русских отряды,
Полки от Камышина шли
На Север и Запад вокруг Сталинграда
Волной растекались они.
Сибирские части глубокого тыла
Узбеков, киргизов полки,
Орудия, танки, броня подходила,
Скопляясь вдоль Волги реки.....

19 Ноября 1942 года.

Над Доном, над Волгой, над степью широкой
Туман расстилался седой,
Глухой, непроглядной немой поволокой
Завесой спускался густой.
Казалось вся местность вокруг задремала
Заснула невиданным сном.
И спали солдаты в землянках усталых,
Склонясь над походным ружьем.
В окопах — постах боевых охранений
Немецкий дремал часовой,
Во тьме беспокойной ноябрьские тени
Таили зловещий покой.
Спешащие стрелки часов побежали
Во мгле предрассветных шагов,
Вдруг спящая степь пробудясь, задрожала
От силы могучих толчков.
В взлетающем грохоте мощных ударов
Опять заметалась земля.
Летела на немцев громада метала,
Лавина стального огня.

А в залпах гвардейских катюш-минометов
Послышался грозный сигнал:
И вот артиллерии страшным налетом
Сорвался клокочущий вал.
Неслыханный гром дальнобойных орудий
И пушек припев роковой,
С закрытых позиций обстрел и безумный
Огонь от наводки прямой.
Летели фонтаны земли почерневшей,
Вздымаясь в зловещей волне,
Обломки немецких позиций горевших
Тонули в дыму и огне.
Разгневанный вал артиллерии мчался...
Под верной защитой огня,
Вот танковый корпус к окопам прорвался,
Пехота в атаку пошла.
А юнкерсы серым туманом остались
Прижаты бессильно к земле,
Свинцовые струи винтовок мешались
С огнем пулеметным во мгле.
Орудий нежданно — смертельная ярость,
Туман... огневая пурга....
И русских безумная, дикая храбрость
Врасплох захватили врага.
Так в линии вражеских сил обороны
Пробитая брешь забралась
Вглубь фронта стеной проходили колонны,
Броня боевая неслась.
Над Доном под вечер туманы сгущались,
Вечерние тени прошли...
Двадцатый войска километр отсчитали
В боях обретенной земли...

***

Вдали „Перелазовский" хутор пылает
В тумане предволжских степей,
Штурмуя пехота к нему подступает
Под грохот своих батарей.
Разгневанный огненный смерчь прорывает

---

1) Гвардейские катюши-минометы особого типа, новые орудия, сконструированные русскими военными инженерами в начале войны.

2) юнкерсы — немецкие аэропланы.

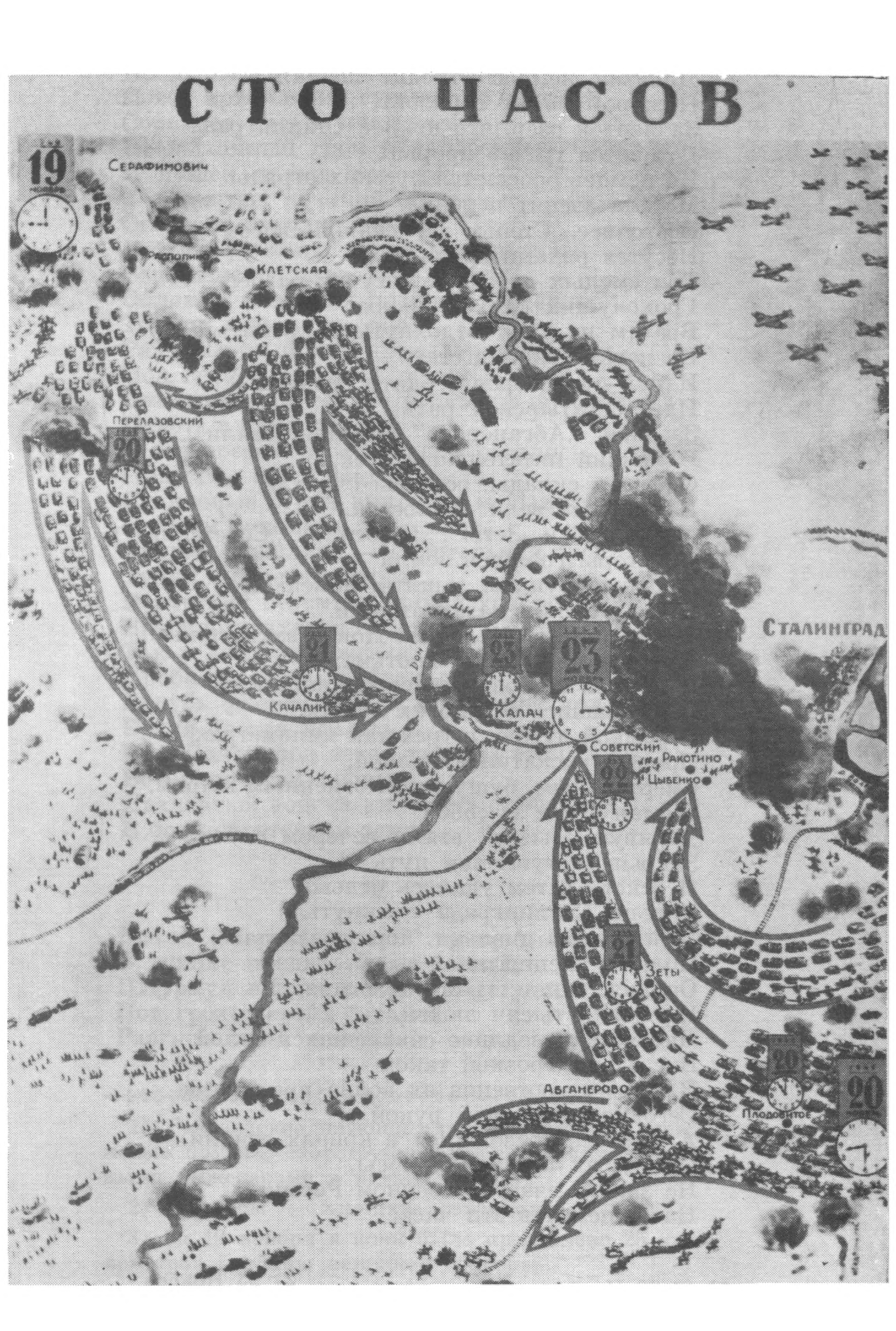
3) За 19 ноября к ночи было преодолено 25 километров глубины немецкой обороны.

Румынского корпуса фронт.
Дивизия немцев отходит шестая
Пожаром объят горизонт.
За лентой озер, что южней Сталинграда
Готовится третий прорыв,
На немцев бросаются русских отряды,
Метала звенит перелив.
Восточнее.. Степью занесенной снегом
Несутся рядами тремя
Три смелых потока в могучем разбеге —
Грохочущих танков броня.
Врагам не дают отдохнуть, закрепиться
На новой позиции стать
И гул от моторов сердито грозится:
Идет богатырская рать:
За ночь „Абганерово" станцию взяли
Немецкий питательный сток,
Обозы и склады, составы считали
И пленных вели на Восток.
„Качалин" и „Зеты", „Цыбенко", „Советский"[1])
Просторы горящей земли —
Опорные пункты защиты немецкой
Все к русским назад отошли.
В двенадцать „Калач на Дону" захватили [2])
Прошли километры впотьмах
И немцев свободы маневра лишили,
Вклинившись во многих местах.
Огромной дугою, в трехстах километрах,
Прорыв раскатился волной,
Смертельным, бушующим огненным ветром,
Сметая врага за собой.
„Кривую Мызгу" взяли вечером с боя,
Закрыв отступления путь
И вскоре затем удалось огневое
Кольцо Сталинграда сомкнуть. [3])
В нем были дивизии, корпусы, штабы,
Полки с дисциплиной своей,
Орудия, танки, гранаты, снаряды
И тысячи тысяч людей.
Людей, справедливо считавшихся силой,
Вчера еще грозной такой —
В живых мертвецов их война превратила
Сегодня капризной рукой.
А мир все тревожился в криках стихии
О судьбах степной полосы,
Не зная о счастьи военном России,
Начавшемся в эти часы.

---

1) 21-22 Ноября.

2) 23 Ноября.

СТО ЧАСОВ
19
Серафимович
Клетская
Перелазовский
20
21
Качалин
Дон
23
23
Калач
Сталинград
Советский
Ракотино
Цыбенко
22
21
Зеты
20
20
Абганерово
Плодовитое

3) На пятый день наступления 6 пехотных и 1 танковая дивизия немцев была разгромлена. 26.000 немецких трупов были оставлены на поле боя,

24.000 немцев сдались в плен.

В три часа дня 23 ноября 1942 года 330.000 немцев оказались в мешке из которого не было выхода.

Глава 10

Январский мороз горячится задорно,
Хрустит озабоченно снег.
На площади шум, суета, разговоры
И громкая ругань и смех.
Крестьяне в санях подъезжают на клячах,
Торговки рядами стоят,
Вокруг покупатели спорят, судачат,
Как пчелы над ульем жужжат
Прохожие семячки щелкают бойко,
Умело скорлупки плюют,
А там, где мужчины собрались, у стойки
Махорку — вергун продают.
И вот, невзначай, как-бы каждый немножко
На пробу щепотку возьмет,
Закурит бесплатно одну „козью ножку"
И диспут горячий начнет.
Откроется целый „консилиум" вскоре.
Кто с видом, глядишь, знатока
Похвалит махорку. Другой с ним поспорит,
Что цвелью пропахла слегка.
Быть может какой покупатель найдется,
А все остальные уйдут
К другому лотку, где вергун продается,
Там новые споры начнут.
У баб как в большем магазине — в лукошках—
Конина и хлеба кусок,
Промерзший бурак, да десяток картошек,
И пара мадьярских чулок.
Торгуются, спорят и цену сбивают,
Свой хвалят прохожим товар
Там смотришь продукты на вещи меняют —
Азартом охвачен базар.
Один мужичек с фиолетовым носом,
Обменом удачным гордясь,
Бутылку тройного без бабьего спроса
Кончает беспечно смеясь.
Чуть слышится песня разбитой шарманки:
„Боюсь тебя, темная ночь,
Маруся, меня проводи ты с гулянки,
Сиротская доля невмочь...
Да я провожала, да жалко мне стало,"
Уныло шарманка скрепит,
У бабы слеза по щеке побежала —
Как жалостно песня звучит.

У дамы растрепанной деньги украли
Она всех на помощь зовет
Спешит полицейский, народ разгоняя,
Толпа любопытных растет.
Крик, гам, суета, запах дегтя, навоза,
Январский притоптанный снег,
Забыли про лютую ярость мороза,
Веселые лица у всех.
Сегодня впервые немецкие власти
Базар разрешили открыть,
Торговля идет, разгораются страсти,
Все можно продать и купить.
Весь день на толкучке проводит Арина
Но тщетно стремится продать
Казачий платок разноцветный, старинный,
Что девушкой выткала мать.
Похлебку доели, нет хлеба ни крошки
И Надин нескоро паек,
Хотя бы пшена и немного картошки
В обмен получить за платок.
Работает Надя в больнице, стирает,
Ей трудно, она устает,
Что делать? Теперь молодежь отправляют
В Германию всю на завод.
Так тяжкие беды свои поминая
Арина обходит толчок,
И вот, наконец, овощей предлагает
Ей кто-то за старый платок.
Обмен совершен очень быстро несложный,
Не долго пожитки собрать...
Но что это? Сдвинуться с места не может,
Грудь ноет и нечем дышать.
Склонилась над сумкой с промерзшей морковью
Опять потемнело в глазах
И страшно закашлялась харкая кровью,
Как было когда-то на днях.
Какой-то казак подошел к ней высокий
Воды дал из фляжки испить
Потом он помог ей подняться на ноги
Взял сумку, пошел проводить.
Арину довел он до самого дома
Заботливо, ласково так,
Она пригласила зайти как к знакомым,
Сказала, что муж был казак.
„Степан Овчаренко, Донской сотни первой,
Вы знаете может его?"
Лицо осветилось надеждой несмелой

След мужа найти своего.
„— Степана, да как же, мы вместе служили,
Потом повстречались в Крыму,
А горя то сколько изведать судилось,
Как выжили — сам не пойму.
И вместе с Степаном как раз мы попали
В Галиполь — он храбрый казак,
Судьба с нами горькую шутку сыграла
Не свыкнуться с нею никак.
Мы начали пить, ну да все не расскажешь,
Скатились на самое дно
И даже за кражу с Степаном попались,
Как все это было давно.
Оттуда во Францию вместе бежали
А там мы пошли на завод,
Работали вместе, вдвоем голодали,
Теперь он в Париже живет.
В немецких частях мне сражаться едва ли
Пришлось бы — вина не моя —
Родные поля по ночам призывали,
Тоска одолела меня.
Степан — он остался — „Арина не слышит,
Что дальше казак говорит
Взволнованно часто прерывисто дышет:
„Он жив!" задыхаясь твердит.
И вновь далеко унесли ее мысли
От всяких житейских забот,
Забыла про горькие жалобы жизни,
Страданий безрадостный гнет.
Недаром его двадцать лет ожидала,
Он дочки не видел своей
И только надеждой себя утешала
В затишьи безсонных ночей.
В родимом селе ветры ночью недаром
О милом ей вести несли
И в ветхом разрушенном домике старом
Заветные сны берегли.

---

1) Вергун — крепкий сорт махорки.

2) Мадьяры тоже занимались часто обменом вещей.

3) Тройной одеколон — марка одеколона, за неимением спиртного, пользовалась большим успехом и ценилась очень дорого.

Глава 11.

Еще не замолкли напевы крещенья,
Седой не смирился мороз,
Как снежную вьюгу со свистом и пеньем
Бродяга февральский принес.
Шальную метель, снегопад и заносы
От слез побелели снега,
А жизнь оставалась под тем же вопросом —
Все так-же была жестока.
Работала Надя у немцев как прежде,
Арина ходила менять
Остатки потрепанной старой одежды,
Стараясь семью поддержать.
Все кашляла, видно болезнь развивалась
И грудь продолжала болеть,
Но верила свято и все утешалась,
Что мало осталось терпеть.
Вот скоро казалось семейное счастье
Согреет бездомных сердца,
Наступит конец их лихому ненастью
И Надя увидит отца.
А в эти февральские дни в Сталинграде
Закончены были бои.
И двигались немцев плененных отряды
Вглубь русской великой земли.
Но русские силы все шли в наступленье,
Большой продолжался прорыв
И немцы все дальше бежали в смятеньи,
Величье свое позабыв.
Пугливо машины на юг вереницей
Без устали двигались днем,
А ночью пожаров повсюду зарницы
Зажглись невеселым огнем.
Немецкие части спешили под властью
Панической быстрой волны
А к жителям страх подбирался ужасный,
Как было в начале войны.
Притихшая жизнь как ночник догорала,
Пожаров лишь теплился вздох
И все притаилось и все ожидало
Невиданных новых тревог.
Чуть свет Белгородской дорогой шоссейной
Поплыл нескончаемый ряд
Крестьянских повозок, саней самодельных
И странно одетых солдат.
Двуместные сани с одной лошаденкой

В упряжке с коровой, волом
И редко одна или две полутонки
Терялись в потоке большом.
Рядами двумя посредине дороги
Военные шли в кожухах,
С походной винтовкой и в валенках ноги,
Улыбка простая в глазах.
По городу быстрая весть прокатилась
Бежали все люди к Сумской,
Так красная армия в Харьков входила
Февральскою снежной порой.
Встречавших толпа на больших тротуарах
Теснилась веселой гурьбой,
Все вышли на улицу малый и старый
Ребенок и дед с бородой.
Искали знакомых, родных, своих близких
Среди проходивших солдат
И каждый приветствовал, кланяясь низко
И каждый был искренно рад.
От возгласов. „Харьковский я, не узнали?"
У многих забились сердца
И женщины, дети солдат обнимали
За сына, за брата, отца.
Взволнованы были счастливые люди,
Торжественной правды полны,
Ведь в Харьков и это никто не забудет, —
Входили России сыны.
Какой-то родной несуразной ошибкой
От близких повеяло лиц,
От их кожухов, глуповатых улыбок,
От валенок, шапок, петлиц.
„Голубчики, вас перебьют по дорогам" —
Шептала старуха крестясь,
„У немцев машин и оружия много
Мы видели сами вчерась."
И словно как в сказке солдаты и сани
Текли бесконечной волной,
А снежные хлопья большие ласкали
Их белой своей пеленой.

---

1) 3 февраля русские взяли Курск и Корочу 15 февраля Ростов и Ворошиловград.

2) Жуков, Еременко и Рокосовский взяли в плен 91.000 немцев, в том числе и самого генерала Паулюса, 1.500 танков, 6.000 гранат, 55.000 машин

и неограниченное число другого оружия.

3) 2 февраля 1943 года в Сталинграде не осталось ни одного немецкого вооруженного солдата — Сталинградская эпопея была завершена.

4) 18 января 1943 года началось советское наступление, оттеснившее немцев из Дона, Воронежа и Кавказа.

5) Полутонка — полутонная грузовая машина марки „Украинка".

6) Сумская — главная улица Харькова, ведущая к Сумам и переходящая в Белгородское шоссе.

Глава 12

Отправилась Надя с Ариной простившись
Работать. Хоть немцы ушли,
Но в здании свой лазарет поместился
И раненных днем привезли.
У входа седой суетился военный
В огромных очках роговых
И два санитара вносили бессменно
Солдат на носилках ручных.
Кто пулей был ранен, осколком, контужен,
Кто спиртом отравлен, — им всем
Готовились койки. Работали дружно
В труде не считались ни с чем.
А девушки даже пешком на вокзалы
За раненым воином шли
Держали под руки, идти помогали,
А многих и просто несли.
Все принялись с искренним чувством за дело
Осматривал врач до утра,
Хирурга рука день и ночь не слабела
И глаз не смыкала сестра.
В едином порыве с пришедшими слиться
Помочь им в жестокой борьбе —
Умерить страданья — работник больницы
Не думал сейчас о себе.
Но вскоре вражда проявилась глухая
У новоприбывших людей,
Военные девушек грубо ругали,
Кричал комиссар на врачей.
А Надя все видела, сердце сжималось
Тоскливо в груди у нее.
Раздвоенным, деланным, чуждым казалась

Вся жизнь и мечтанья ее.
Надежда на встречу с отцом, вероятно,
Теперь умерла навсегда,
А радость, что наши пришли непонятно
Ушла неизвестно куда.
На улицах города ящики жалоб
Развесили. Город уныл
И жителям всем доносить предлагалось
На тех кто у немцев служил.
И вот поступать стали сразу доносы
В потоке мелькающих дней,
Писались анкеты, снимались допросы,
Стреляли невинных людей.
Так черною сетью опутали город
Пришедшие части Чека
И Харьков опять был подвластен терору:
Давила стальная рука.
Прошло две недели... Как утром нежданно
Вдруг юнкерсы стаей взвились
Над городом тучей большой непроглядной
И бомбы обрушились вниз.
Семь суток бессменно в жестоком кошмаре
Израненный город стонал,
Стена громоздилась руин и развалин
Сметал все клокочущий вал.
Столпившись в подвалах в беспомощном страхе
Все жители смерть стерегли
Вот гул артилерии в мощном размахе
Пронесся над пеплом земли.
И начался бой... Немцы русских теснили,
Но русские стойко дрались,
И несколько суток войска отходили
Упрямо цепляясь за жизнь,

1) Транспорта для перевозки раненых не было. Целыми эшелонами раненые прибывали на вокзалы. Те кто мог, кто был в силах шли пешком — ползли в лазарет. Тяжело раненых девушки на плечах переносили в лазареты. Лазареты были переполнены. Не раз случалось долго блуждать из одного лазарета в другой, пока раненый был принят.

2) Среди пришедшей армии наблюдалось массовое отравление древесным спиртом.

3) Оставшееся население с истым энтузиазмом принялось помогать красной армии, но было отвергнуто в своих лучших и искренних побуждениях. Абсолютно на всех было наложено клеймо сотрудничества с немцами".

Однако в районе Мерефы застыли —
Немецкий мешок их зажал
Все русские силы растреляны были
Кровавой рукой наповал.
Бросалось в глаза неподвижное поле
Насколько охватывал взор
Видения смерти гуляли на воле
Земной заполняя простор.
Все смешано было — все трупы и трупы —
Скота и убитых солдат,
Сгоревших машин неподвижные группы,
Обломки деревьев и хат.
Большое печальное страшное море
Погибших людей без числа.
Россия, в каком исступленьи и горе
Ты стольких сынов отдала?
С утра будто солнце проснуться боялось,
Не радуя мартовских дней
Чудовищным зрелищем днем представлялось
Забытое поле смертей.
Все стихло в томительном воздухе спящем
Где смерть — там всегда тишина...
Вчера ураганом смертельно-свистящим
Прошла этим полем война.

Глава 13

Осиновый лес вдалеке поднимался,
Пестрея пятном по бугру,
А поздно проснувшийся день улыбался
Дремавшему сладко Днепру.
По сонным дорожкам опавшие листья
Звенели шурша под ногой,
Цветные с отливом слегка золотистым
С узорчатой светлой каймой.
И голые липы с большими стволами,
Собравшись с достоинством в ряд,
Казались приставлены здесь сторожами
В тени берегущими сад.
Местами развесистым чинным величьем
Задумчивый клен золотел,
Кричали грачи и в переклике птичьем
Тоски отголосок звенел.
Как будто из бездны небесной далекой
Настойчиво кто-то кричал
В томленьи и грусти и скорби глубокой
О чем-то молил и рыдал.

Над всем горьковатый царил и печальный
Осиновый запах коры,
Как ранящий стон безъисходно-прощальный
Осенней тоскливой поры.
Из дальней деревни с обмена шла Надя
По этим чудесным лесам
Природа в сентябрьском последнем параде
Ее отвечала мечтам.
Тоскливые грустные мысли мешались
Забота на сердце росла,
Вот с матерью в Киев они перебрались
А жизнь здесь не легче была.
Работы нигде не найти и тревожней
Все с каждым становится днем,
А фронт и сюда подбирается тоже
Приград ему нету ни в чем.
Слободка и остров Труханов пылают
Их немцы вчера подожгли,
Всех жителей в Киев оттуда сгоняют,
Готовя плацдарм для войны.
Из Харькова с матерью в страхе бежали,
В Германию вывоз грозил,
Невзгоды и голод, нужда осаждали,
А с ними и фронт подходил.
Теперь Харьков взят. Непоследней грозою
Для немцев гремел Сталинград,
Сдают города и деревни без боя[1])
Все дальше отходят назад.
Недавно закончились битвы большие —
Покинули немцы Кавказ,[2])
Сентябрские дни, это дни грозовые
Печальная участь ждет нас.
Вот красные, значит, прийдут сюда вскоре,
Садов отзвенит тишина
И эти земные лесные просторы
Охватит пожаром война.
И в шелесте листьев осенних прощальных
Звенит безнадежно печаль,
А сердце сжимается горечью тайной
И грез своих девичьих жаль.
Так хочется солнца и жизни и света

[1]) Русские взяли Курск, Орлов, Белгород, 24 августа русские взяли Харьков.

[2]) В сентябре взяли Донбас, Полтаву, 23 сентября 1943 года было закончено сражение за Северный Кавказ. И тогда же началась борьба за Днепр.

Неведомой нежной любви,
Ведь молодость тоже теряется где-то
В кровавой метели войны.
Все лучшие годы бесследно мелькают
О счастьи мечты далеки...
Поднявшийся ветер над лесом рыдает
В осеннем порыве тоски...

Глава 14

Еще не светало... Совсем одиноким
Плыл месяца свет голубой
И утро казалось таким недалеким,
Как часто бывает зимой.
Холодного месяца смелость стремилась
В пустыню небесных святынь
От яркого блеска лучей серебрилась
Заснувшего города синь.
Заснеженных улиц ночная усталость,
Домов, тротуаров и крыш
И месяца медленный свет — все сливалось
В одну синебелую тишь.
Ноябрьская ночь притаилась глухая,
Снег мертвенной пал белизной,
Усталые люди заснули не зная,
Что день принесет им с собой.
Лишь Лавры одной золоченные главы,
Бессонный Владимир святой,
Немые свидетели древности славной
Ночной охраняли покой.
Тревожный покой, все, казалось, изменит
Умчит в звонком гуле звеня
И снежную гладь тихой ночи развеет
Рассвет восходящего дня.
Вот несколько дней как в отдельных районах
Идет выселенье людей
И Киев разбит на запретные зоны
Приказом немецких властей. ,
Печерский район и Подол и Центральный
Уже посетила беда
Теснится все больше в Димиевке дальней
Голодных семейств нищета.
Предчувствия ночи себя оправдали
С утра был приказ оглашен
Очистить последний оставшийся дальний
Заселенный тесно район.
Как двигались русских плененных отряды

По тракту в начале войны,
Как гнали евреев замученым стадом
На верную смерть без вины.
Так точно теперь озверелой, ужасной
Толпой в триста тысяч людей
Ползли массой люди, брели безучастно
И зрелище было страшней.
Одни спотыкались в испуге, рыдали
С грудными детьми на руках,
Другие спешили, зачем-то бежали
С отчаянным страхом в глазах,
Одни шли к Святошину, к фронту и дыму —
Защиты искать у своих
И грозную смерть, проходящую мимо,
Стеречь на дорогах больших.
Другие брели с безразличьем усталым
Не зная куда уходить,
А немцы к вокзалу поток направляли
Безропотно двигалась нить
Кто спрятался в трубах, сараях, подвалах
Те скорую смерть обрели,
Облавы с собаками всюду искали
На месте расправу вели.
Рыдания, крики и стоны бессильных
Несли задыхаясь ряды
В чудовищном марше прискорбно-унылом
Господствовал ужас беды.
Взлетела на воздух дрожа колокольня
Задумчивой Лавры Святой,
Казалось земля переполнилась скорбью,
Невиданной скорбью людской.
Среди покидающих город шла Надя
Вела ослабевшую мать
Им что-то кричали взволнованно сзади
И кто-то просил подождать.
В расстроенном странно-шумящем потоке
Терялись людей голоса
Рыдания, просьбы, мольба и упреки
Печально неслись в небеса.
Огромной слепой, безразличной толпою
Людей по дорогам свело
И прямо к вокзалу живою волною
Бурлящий поток принесло.
Арина и Надя не думая долго
Решили сесть в поезд и ждать
И так как другие отъехав немного
В деревне приют поискать.
А Киев весь грабился. Немцы царили

Одни во владеньях пустых
Из мертвых квартир без стыда выносили
Все то что понравилось в них.
Над городом стаи из пепла летали,
Архивы немецкие жгли
Так было, когда и свои отступая
Бежали в начале войны.
Далекие взрывы, сплошные туманы
Из пепла и гари густой,
Оставленный Киев, разгромленный, странный
Зловещей пугал пустотой.[1]
Сменялись один за другим эшэлоны
Толпа изможденных людей
Все вновь прибывала. Стремилась в вагоны
Занять себе место скорей.
И там на полу ненагретых теплушек
Дрожала, сжимаясь тесней
Под скорбный напев причитаний старушек
И плач перемерзших детей.
Арина лежала, а Надя сидела
У ног ее в темном углу,
Так кончился день, небеса потемнели
И спряталось солнце во мглу.
Ноябрьский мороз быть старался учтивым
И в каждый пробрался вагон.
Все ждали отправки, стоял сиротливо,
Застывший с утра эшэлон.
Лишь вечером поздним захлопнулись с шумом
Засовы теплушек больших
Вдаль медленно двинулся поезд угрюмый
И говор в вагонах затих.
Мороз подбирался все ближе и ближе
Часы монотонно текли
И черная ночь надвигалась все ниже,
А люди заснуть не могли.
Казалось, что вечностью ведает время,
Что ночь никогда не пройдет

---

[1] 8 Ноября 1943 года русские взяли Киев.

Позже в ноябре (19) прорвали немецкую оборону в районе Невеля. 11 июня 1943 Англо-Американские войска взяли Сицилию. Американские войска во главе с генералом Айзегауэром вытеснили немцев из Северной Италии. Англо-американцы начали бомбардировку Германии. На Германию упало около полу-миллиона бомб, из них 350.000 на Берлин.

Минут и часов непосильное бремя
Ничем не продвинешь вперед.
Но глянуло утро сквозь щели несмело
Вот поезд качнулся и стал.
Куда-то приехали. Все зашумели,
Собрались идти на вокзал.
Стучать стали все чтобы двери открыли,
Кричать что забыли о них,
А немцы вокруг безучастно ходили
И жалоб не слушали их.
Вдруг громко сирена воздушной тревоги
Взвилась, паровоз засвистел,
Усилился шум, топот ног, в взмахе строгом
Моторов поток загудел.
А люди в отчаянном страхе метались
Молили: спасти и открыть,
Но стаи стальные грозой опускались
Пикируя стали бомбить.
И вот в этой Знаменке мало знакомой
Все вспомнили люди опять,
Что было испытано ранее дома,
Что стали уже забывать.
Их поезд качался, дрожали вагоны,
Все снова дышало войной,
Неслись крики раненных, вопли и стоны,
Вагоны мешались с землей.
У тех кто еще оставался в теплушках
Стучать больше не было сил,
Одно оставалось смириться послушно
Молить, чтобы Бог их простил
И тот кто никак, никогда не молился,
И тот кто молиться забыл
Теперь на колени дрожа опустился
Крестился, просил и молил.
Сливались слова и одно повторяли,
Молитва неслась в небеса
Защиты и правды у Бога искали,
Окрепнув росли голоса:
„Внемли Отче Наш,
Ты Один Вездесущный,
Един в небесах на земле,
Да сбудется воля Твоя, Всемогущий,
Да славится имя Твое..."
Молитва лилась и торжественно — строго
Под бомб рассыпавшихся вой,
Забыв обо всем, люди славили Бога
Всем сердцем своим и душей.

Глава 15

Над каждым прохожим, как будто, смеется
Улыбкой задора даря,
Мелькает и в воздухе хлопьями вьется
Волнующий снег декабря.
Бесстрашно по белому свету летает
Враг сумерок, мрака и тьмы
И сказочно — светлым налетом смягчает
Порывы суровой зимы.
Поля покрывает, леса вековые,
Глухие деревни, простор
И города шум, скаты крыш, мостовые
Все то с чем встречается взор.
Летает по дальним железным дорогам,
На крышах лежит поездов
Всегда молчалив, но он знает о многом
И все Вам поведать готов.
Он знает как русские люди страдали,
Как годы бежали войны,
Как немцы людей из домов выгоняли
В безвестность насильно везли.
Пустые, безлюдные знает селенья,
Что тянутся тысячи верст,
Где тишь и печаль породили смиренье —
Овеянный скорбью погост.
И лагерь большой за колючей оградой
Он знает на польской земле,
Во Львове, где люди измученым стадом
Томятся в чужой стороне.
Тот центр пересылки, осмотра, отбора
Рабов для Германских работ,
Где судьбы решаются просто и скоро —
Всех участь единая ждет.
Над лагерем долго летает, кружится
Как вестник России святой
И ласково — белым покровом ложится
За лагерной страшной стеной.

***

Дни быстро за днями текли и мелькали
Так вскоре зима подошла
С тех пор как Арина и Надя попали
В тот лагерь насилья и зла.
Про фронт приближавшийся с новою силой
Упорные слухи ползли
И вновь прибывавшие в лагерь вносили
Угрозы о страхе войны.

Росла с каждым днем затаившись тревога
Несла перемены с собой
И новых событий чреда у порога
Ползла собираясь грозой.
Отправок число увеличилось вдвое
Большой лазарет был закрыт
И в днях беспросветно — пустых, беспокойных
Ночник был надежды разбит.
Арина ходила работать с другими
Без сил после ночи без сна,
А жар и мучительный кашель душили,
Состарилась очень она
Все с Надею вместе о воле мечтала
В деревню бы мне отдохнуть
И серую жизнь догоревшей считала —
Тернистый безрадостный путь.
И дочери часто своей говорила:
Пойти б коменданта спросить,
Меня ждет здесь скорая верно могила
На волю бы мог отпустить.
Текла монотонно жизнь в лагере, строго
Всем правил здесь немец седой
Он был комендантом, знал русский немного
Но был он жестокий и злой.
Так дни проходили в мучительно длинных
Часах бесконечных работ
Раз утром сказали отправят Арину
Ее наступает черед.
Об этой отправке и Надя узнала,
Боясь за несчастную мать
Она к коменданту бесстрашно вбежала
И стала его умолять.
Взволновано, смело ему говорила
Все вылила горе в словах
И став на колени с мольбою просила
Забыв и смущенье и страх.
„Поймите, Вы, может быть, тоже страдали
И мать у вас тоже была
Вот если ее бы сейчас отправляли
И так бы болела она
А в ваших руках бы была еще сила
Родную от смерти спасти
Вы мать бы свою никогда не убили,
Есть чувство святое в груди.
От имени этого чувства святого,
Молю на коленях я вас,
Единый ваш жест и одно ваше слово —

Спасенье и счастье для нас.
Вы дайте нам волю, вы нас отпустите,
Отсюда тихонько уйдем
И светлую память о вас, наш спаситель,
С собой навсегда унесем."
Смотрел комендант, сдвинув брови сурово,
Все слушал ее и молчал,
Потом подойдя к ней с усмешкою новой
Слегка наклонившись сказал:
„Ты знаешь тебя я давно заприметил,
Когда все заснут приходи,
Я вас отпущу, но собой перед этим
Сначала ты мне заплати."

Глава 16

Тоскливая вьюга. Спят в темном бараке
Уставшие люди за день,
Тяжел их мучительный сон и во мраке
Не видят, как крадется тень.
Чуть слышно ступает, а тьма прикрывает
И слезы и горе в глазах,
Так дни побегут и никто не узнает
Пережитый ужас и страх.
Все ближе и ближе... Нет сил, нет дыханья
Теперь повернуться б, уйти,
Ведь молодость, счастье, и жизнь и мечтанья
И радость растают в груди.
Несчастная мать стонет харкая кровью
В теплушке вагона одна
И взор ее меркнущий ласковой скорбью
Скрывает тоски пелена.
Вперед... Поскорей... Плачет вьюга тоскливо,
Не мешкая надо идти,
А сердце тревожное бьется пугливо,
Уйти бы, все бросить, уйти...
Рыдая бежать бы по этой метели
Январьскому ветру вослед
Как снежные хлопья скрываясь летели
О. Боже спасения нет...
А там эта страшная дверь отворялась,
Душил наступая кошмар
И девичьи грезы с мечтами прощались
Под властью неведомых чар.
Вдруг окрик за дверью послышался грозный
Задушенный сдавленный стон
И все потонуло во вьюге морозной
Как в песне живых похорон.

***

Двор лагеря вспыхнул от яркого света,
Снег светлым пятном задрожал,
Считали ряды торопясь до рассвета
Людей отвести на вокзал.
Открыли ворота и двинулась скорбно
Под стражей немецких солдат
Толпа изможденных немых и покорных
Бездомных гонимых бродяг.
Их немцы в теплушки как скот погружали
На рельсах чернел эшэлон
Арину и Надю с другими погнали
В холодный и грязный вагон.
Страданиям злым человеческой драмы
Нет в жизненной книге границ —
И Надя узнала коварство обмана,
Отравленных ложью страниц
Коварство и низость, людскую ничтожность
Угасшую веру в людей
И всю непонятно-злобливую сложность
Бесчестных и низких страстей.
Все скрылось, изчезло в рассвете убогом
Дымящийся поезд ушел,
Вокзал опустел и следы по дороге
Снег белою тайной замел.
Томились и плакали хлопья вздыхая
Сугробы легли за окном,
Снег белый на сердце печаль нагоняя
Молился о крае родном....

Глава 17

С неистовой силой война разгоралась
Земля не устала пылать
И немцам одно лишь теперь оставалось
Поспешно назад отступать.
Как в дни наступления, славы и блеска
С такой же большой быстротой
Назад отступали поспешно и резко
В невиданной панике злой.
Ведь немцев не только в России теснили
И ряд их блестящих побед
Сменился, как будто, подвластно стихии
Числом поражений и бед.
Союзники в Африке их победили

Судилось Италию сдать
Из Венгрии, Польши войска уходили,
Россию пришлось потерять....
Финляндию заняли русские части,
Болгар покорили, румын
Лишился повсюду теперь своей власти
Немецкой земли властелин.
Тревоги сменялись рождая тревоги,
Лихие невзгоды росли
Подкравшийся страх поджидал у порога
Развязки кровавой войны.
В огне осажденная Прага пылала
Шел в Сербии бой партизан
И армия немцев покоя не знала
В кольце осаждающих стран.
Во Франции фронтом вторым продвигались
Гремя алиантов войска
Все больше на небе немецком сгущались
Вещая грозу облака.
В последней смертельной своей обороне
Немецкий храбрился солдат
Застыла земля в неприглушенном стоне
Познать ожидаемый ад.
Восточную Пруссию силой несметной
Войск русских громады прошли
И заревом ярким зажегся заветный
Закат заалевший войны.
Готовились русские к штурму Берлина
Фронт крепко по Одеру стал

---

1) 3 сентября 1944 года капитуляция Италии.

2) 2 сентября 1944 г. капитулировала Финляндия.

3) 8 сентября — Болгария.

4) 20 августа 1944 капитулировала Румыния, открыв этим путь на юг Европы. Одновременно с этим шли военные бои на море с японцами, американцы взяли Гюяму и приближались к Японским островам.

5) В сентябре 1944 года англо-американцы освободили Югославию и прогнали немцев из Греции. 14 октября греки отвоевали Афины.

6) 6 июня 1944 года алианты высадились во Франции. (5.000.000) войск. 27 июня взяли Кен, Шербург.

7) 20 июля было знаменитое покушение на Гитлера, а 25 августа немцы покинули Париж. Покушение на Гитлера было произведено генералом-графом Штауфенбергом.

Людей и орудий скоплялась лавина
Последний пройти перевал.
На Рейне союзники крепко сплотившись
Сошлись у крутых берегов
Кружились стальные бессонные птицы
Над станом усталых врагов.
Окреп богатырь и поднялся как в сказке
Готовясь взмахнуть булавой
И все ожидало последней развязки
Последний предчувствуя бой.

Глава 18

Год в Кемптене быстро промчался в угарной
Тяжелой работе без сна,
В давящем жестоком и страшном кошмаре,
Где всем управляет война,
В лихом прозябаньи часов безотрадных,
Когда до конца сочтены
Все дни в буйном грохоте бомб беспощадных
Вдали от родной стороны.
Еще над землею ночь реяла птицей,
Развалины спали домов,
Не начал на небе Восток золотится
Под грезами солнечных снов.
От взрывов и рева вечерних налетов
Во тьме отдыхала земля,
В походе минут роковых от кого-то
Вчерашний испуг затая.
Из темных бараков к большему заводу
Рабочих тянулись ряды
Забывших свой отдых, покой и свободу
В неволе под игом нужды.
Украинцы, сербы, французы, поляки,
Литовцы и русские шли
И каждая нация разные знаки
Отличий несла на груди.
Тринадцать рабочих часов начинались
У белых голодных рабов,
А дни чередуясь за днями сменялись
В незыблимом лязге оков.
В оборванных старых шинелях военных
Под стражей немецких солдат
Работал всегда на дворе безъизменно
Измученных пленных отряд.
И тут же колонна политзаключенных
Трудилась поодаль от них
Немецкою каторгой изнеможденных
Людей отощавших, больных.
Людей, обреченных на верную гибель,

Плативших в неравной борьбе
Сегодня собою ненужную прибыль
Безмерно жестокой судьбе.
Германия вся представляла собою
Сплошную страну лагерей,
Держа под кровавой своею пятою
Историю вверенных дней.
Текли дни за днями в работе обычной:
Бараки, а утром завод.
В лихом прозябаньи устало-привычном
Мелькнул неприветливый год
В большей человеческой массе измяла,
Судьба растворила льдей
Арину и Надю с другими связала
Невидимой нитью своей.
Так общими стали и радость и горе,
Надежды печальный ночник
В венце из страданья безмолвном укоре —
Единый измученный лик.
А фронт приближался, не спали ночами
Вот новые вести пришли
О русских победах над злыми врагами
На склонах немецкой земли.
Была неизбежна, близка перемена
Дни каторги здесь сочтены
Ждал каждый конца ненавистного плена
Конца бесконечной войны.
Да, время событий больших приближалось
В затишьи последних недель
Кружась над Берлином войны поднималась
Кроваво-шальная метель.

Глава 19

Звенят в тишине голоса молодые
Все ближе, яснее слышны
Калядка... И вспомнились годы былые
Далекой седой старины.
А вот показались подростки с звездою,
Вертеп золоченный несут.
В родных кожухах, точно лютой зимою
Обходят бараки, поют:
Родился Христос, в нем сам Бог воплотился,
Воспеты в веках чудеса
Сын Божий младенцем на землю явился
Ликуйте земля, небеса!!!
Но вдруг голоса заглушает задорный
Веселый звон песни лихой
Другие. поют и все громче, упорней

Напевы калядки простой.:
"Калядка, Калядка, пирог с медом, сладкий
Без меда он вкусен не так,
Коль нет у вас с медом, за нашу калядку
Подайте люд добрый пятак. "
Еловые ветви на стенах бараков,
Закопченных, темных, сырых
Усталые люди, но светлы однако
И праздничны лица у них.
Они далеко не близки меж собою
И нет между ними родства,
Но дружной, единой сегодня семьею
Встречают Канун Рождества.
Собрались отдельными семьями вместе,
Здесь елочка даже стоит,
Наряд ее так необычно чудесен,
Но это людей веселит.
На ней нет игрушек развешанных чинно,
Лишь праздничный скромный паек —
Консервы и порции три маргарина,
Да белого хлеба кусок.
Не верится — в царстве ужасного гнета
Свобода религий дана,
А этого русских лишила за что-то
Глумливо родная страна.
Как вера сносить помогает страданья,
Надежду на счастье дает
Вот здесь на чужбине в суровом изгнаньи
Познал только бедный народ.
Стук... Толстою палкой в окно постучался
Мороз-дед седой с бородой.
Тут смех, суета, громкий говор поднялся
Впустили. Мешок за спиной.
Но мало подарков в мешке" великане"
Бумажный корабль для детей,
Две тряпочных куклы, картонные сани,
Да ножик работы своей.
Зато сколько радости тихой и светлой
На сердце покой, тишина,
Святой чистоты, простоты беззаветной,
Забыта вражда и война.
Не хочется с ночью такой расставаться
И радостный праздник кончать
Опять за работу свою приниматься
В жизнь зла и печалей вступать.
Чаруют в тиши голоса молодые
Любви, откровенья полны
Счастливые светлые, годы былые

Далекой седой старины.
Родился Христос, в нем сам Бог воплотился
Воспеты в веках чудеса
Сын божий младенцем на землю явился
Ликуйте земля, небеса!!!

Глава 20

Зимой в январе сорок пятого года
Фронт крепко по Одеру стал,
Готовились русские силы к походу
Последний пройти перевал.
Большая река преграждала к Берлину
Последней путь русских солдат,
Людей и орудий скоплялись лавины,
Бил час наступленья в набат.
И русские вскоре собрали немало
Огромных дивизий своих,[1])
Стволов минометных, орудий, снарядов,
Гранат, пулеметов ручных.
Войска инженерные русских упорных
Сумели — ночами не спав —
Мосты навести и десятки паромных
Бесстрашно занять переправ.
Железной защитой огня охранялись
Мосты эти ночью и днем,
Клубясь дымовые завесы спускались,
Сплетаясь с свинцовым дождем.
Развязки война на земле ожидала,
Темнели, дымясь берега,
Путь русских к Берлину собой преграждала
Последней большая река.

***

Пологой дугою река загибалась,
Светлела огней череда
И грязно-багровой кипела казалось
И пенилась в гневе вода.
От рвущихся грозных снарядов местами
Взлетала фонтанами ввысь,
А феерверк брызг, зажигаясь огнями,
Спадал с дикой яростью вниз.
Рокочущих мин завыванья пугали,

---

[1]) Десятки дивизий и 22,000 артиллерийских и минометных стволов.

Блистали разрывы гремя
И черные тучи столбов подымались
Косматых земли и огня.
Так долго мучительно все это длилось...
Апрельские дни подошли,
А в воздухе черною тучей носилась,
Как прежде развязка войны.
Но вдруг осветили ракет мириады
Встревоженный вражеский стан,
Лишь свет их погас, русский рев канонады
Рассыпал огня ураган.
Река точно стала пятнисто-лохматой,
Сквозь дыма фонтаны борясь,
Кричали и лезли повсюду солдаты
На берег немецкий стремясь.
Лавина лилась, били, рвались снаряды
И с тыла трещал пулемет,
Достигшие берега русских отряды
Ползли пробираясь вперед.[2])
Неслыханный грохот и гул неустанный
Кружился, свистел по земле,
Дым темно-седой расстилался громадой —
Все гибло в зловещем огне.
Отхлынули немцы, бежав из окопов,
В Бернау бои начались[3])
И в Штраусберг танки бронею захлопав
Ревущей волной ворвались.
Немного дойти до Берлина осталось
Расчищенный путь был открыт
И новая эра судеб завершалась —
Взошел русской славы зенит.

Глава 21

Конец был апреля, но светоч в Берлине
Зажечь свой забыла весна,
По городу пепел летал серо-синий,
Пожаров плыла пелена.
Деревья, как старый подбор декораций
Стояли молчанье храня
Под гром необычный военных оваций
И блеск боевого огня.

[2]) 18 апреля 1945 года в 4 часа утра в 80 км. западнее Кюстрина началось наступление.

[3]) 18 апреля 1945 года танки прошли по Штраусбергу и начались уличные бои в Бернау и Альт-Лансберге. Оставалось 25 км. до Берлина.

По улицам цепь похоронных процессий
Покорно на кладбище шла,
Горел центр Берлина, горели передместья,
Дрожала от взрывов земля.
Она содрогалась в мучительных стонах,
Металась как раненный зверь,
Бои за Берлин в пригородных районах[1])
Достигли предела теперь.
За каждый отдельный объект придорожный
Шел долгий решительный бой,
Где было пройти по земле невозможно
Там русские шли под землей.[2])
В тупой обреченности битвы великой
С врагом не на жизнь, а на смерть
Противились немцы отчаянно-дико
Спасая немецкую твердь.
Но тщетно пытались стянуть подкрепленья,
Рассеянных где-то частей
И, русскими взят был Берлин в окруженье
В течение нескольких дней.
Рейхстаг и Тиргартен тридцатого пали,
Войска продвигались вперед
И к вечеру им побежденные сдали
Район Брандербургских ворот.
По Унтердерлинден громя барикады
Войска победителей шли,
Пройдя через Шпрее стальные отряды
За день Вильгельмштрассе прошли.
И сдался Берлин, покорившись безмолвно,[3])
Сраженный в неравном бою,
Уверенно реяли русских знамена
Вещая победу свою.
Дымились дома, ветер в злобном волненьи
Свирепствовал в стенах пустых,
Дождь падал холодный, косой, невесенний
На раненный лик мостовых.
По улицам мрачным разбитой столицы
Тянулись колонами в ряд
Войска побежденных, — усталые лица
Унылых немецких солдат
На всех площадях у мостов и развалин

[1]) 21 апреля 1945 года войска красной армии завязали бой на северо-восточных пригородах Берлина.

[2]) Русские шли по водо-канализационным каналам, прорывая траншеи.

[3]) 21 апреля в 13 ч. 50 м. раздались первые артилерийские залпы по Берлину.

Построились толпы людей
Калек, скорбных женщин и серо-печальных
Больных, стариков и детей.
И слышались крики: „мейн Герман, Фриц,
Пауль,"
Рыданья дрожали, росли
Мужей, сыновей и отцов узнавали,
А пленных все дальше вели
Марш пленных — кровавой войны ветераны
Пришел вашей славы закат, —
Берлину во-век не забыть этот странный
Последний военный парад.

2 мая столица Германии капитулировала. Советские войска подняли над рейхстагом знамя победы.

Окончательная капитуляция была подписана 8 мая 1945 г. в Берлине.

Итальянського фашистского вождя Муссолини расстреляли партизаны. Япония капитулировала.

3 ноября 1945 г. состоялся суд над немецкими руководителями. Гебельс умер таинственной смертью. 30 сентября — 1 октября приговор был оглашен.

Повешены: Геринг, Рибентропп, Кейтель, Кальтенбрунер, Розенберг, Франк, Фрик. Пожизненное заключение получили: Гесс, Функ, Редер. 20 лет Шпрах и Шпреер. 15 лет Нейрат. 10 лет Дениц, Шахт, Фонпапен и Фриге оправданы.

Глава 22

Деревья, кусты распускаются всюду...
Ласкающий ветер несет
Вперед облаков бело-синюю груду,
Весна золотит небосвод...
По пыльным дорога все движется к Праге
Машины, всех видов войска,
Гордясь развиваются красные флаги
Угарность побед велика.
По ржи, по пшенице идут без помехи
Советские танки вперед
„Наздар" — заливаются радостно чехи,
„Наздар" — пьяный воздух поет....
В Штернберге, Оломоуц встречи, в Чаславе —
Восторженно русских все ждут, —

„Наздар" и ура! русским воинам слава,
Приветливый чешский салют.
Пожалуйте к нам! „Водка есть, приходите"...
„Мы вас всегда рады принять..."
Устали? „Пирог, папиросы берите..."
Идемте ко мне отдыхать...
Так воинам двери все были открыты,
С любовью их каждый встречал,
Однако под вечер тревожно-сердитый
Дан первый был скорбный сигнал:
Забывши про дружбу, подарки и братство
И почестей принятых ряд
Отчаянно грабил чужие богатства
И пьянствовал русский солдат.
За ним поспевал офицер, расцветали
Витрины цветных орденов
На важной груди и погоны блистали —
За них убивали отцов[1])
Бесчинства и взломы, стрельба и пожары,
Насилие жен и сестер,
Застенки „чека", зверских пыток кошмары, —
Так начался красный террор.
И также как в Польше, в Руси Прикарпатской[2])
И в пройденых странах других
Надеялись, ждали, встречали по-братски
Спасителей храбрых своих
Сначала приветствия, — слава героям,
Да здравствуют русских войска!
Потом грабежи, дни убийств и запоя —
И пытки в застенках „чека"
Грядущее радость народам сулило ,
Мечты разлетелись как сон
И рабство ушедшее рабство сменило,
Но власти изменчив закон:
Вся сила в том жизни, что вечны надежды,
Бессмертна за счастье борьба,
И то что подымет когда-нибудь вежды
На всех угнетенных судьба.

Галва 23

В раскрытые окна торжественно-чинно
Заветную радость тая
Безветрянный, солнечный, ласково-синий

[1]) В 1917 году офицеров убивали за погоны.

[2]) 29 сентября ген. Петров перешел Карпаты, 6 октября армия маршала Малиновского перешла Дунай.

Плыл полдень июньского дня.
Бураны зловещей войны отгремели[1])
И снова как в прежние дни
Разбитые улицы радостно пели
Движенья и шума полны.
Дышали дороги восторгом шумливым,
Смеялись гудки поездов,
Машины потоком неслись говорливым
Далеких и мирных часов
Бельгийцы, датчане домой уезжали,
С голандцами транспорты шли,
Гудящим потоком покоя не зная
Машины французов везли.
По шумным дорогам брели пешеходы,
Кто с палкой, котомкой, сумой
Из плена немецкого рабства народы
К себе возвращались домой.
Восторженно громко лилась „Соломио"!
Из уст итальянцев худых
О, южное солнце Италии, вио!
„Отчизна небес голубых."
Все пело, смеялось, цвело ликовало
В величьи июньского дня,
Восторженным гулом и шумом дышало
Победой свободы звеня.
И только лишь русские все еще ждали
Чего-то тревожной душой,
Хотя неизбежностью близкой считали
В грядущем отправку домой.
А Ялтинский договор прений не мало[2])
И споров больших вызывал,

[1]) Вторая мировая война была войной наибольших человеческих и материальных потерь. Она лишила жизни 22.000.000, оставив калеками 34.000.000, С.Ш.А. потеряли 248.161 убитыми, 47.222 пропавшими без вести и 546.000 ранеными.

Англия 233.000 убитых 57.472 без вести и 275.000 раненых.

Большевики — 20,000.000 убитых. Потери на вооружение и военное имущество 230.000.

[2]) Ялтинское соглашение о выдаче „дезертиров" и „изменников" родины. Позднее 23 мая 1945 года договор между представителями союзных командований, подписанный в Вене об утверждении Ялтинского соглашения.

Его тогда тоже не все разгадали,
Он в Кемптене истиной стал.
Доверия многих плакаты лишили, —
Отчизна прощает и ждет.
Какую вину отпустить нам решили
И что нам прощает народ?
Привыкнув давно пропаганде не верить
И цену пустых зная слов
И фраз переполнивших жизнь лицемерьем,
К расплате был каждый готов.
Тяжелая драма души назревала,
Хотелось по-новому жить,
Свобода к протесту, борьбе призывала
И страх заклинала забыть.
Нужда надоела, и слежка и рабство,
Подвальный туман нищеты,
Проснулись души сокровенной богатства,
Рождая о счастьи мечты,
А как все мечтали вернуться сначала
На родину прямо домой
Душа по отчизне своей тосковала
Желанной, далекой, родной.
Россия, Россия, луга, переселки,
Зеленые степи, поля
В сияньи цветного весеннего шелка
Расшитая солнцем земля.
Прозрачного воздуха свежая бодрость
Несмелая гладь облаков,
И зимнего утра холодная гордость
В безмолвии белых снегов,
Покинутый кров, детских лет вереница
И матери старенькой лик,
Родные просторы, и ветер, и птицы
И русский понятный язык.
Так русские между собой разделились,
Кто верой и духом был слаб
В советских те все лагерях очутились, —
И снова покорным стал раб.
А те чьи сердца загорелись, забились,
Зажглись за судьбу постоять,
Те с белыми русскими вместе сплотились
По-новому жизнь начинать.
Решили бороться, страдать, не сдаваться
И выжить любою ценой,
Жизнь снова начать, на чужбине остаться,
Добившись свободы святой.

Глава 24

В то время ,как многих жгла жажда свободы,
Надежда вернуться домой,
Вещали победу небесные своды
Над злом отгремевшей войной
И радостно с песней одни уезжали,
К отчизне любовью горя,
Счастливой чредой паровозы мелькали
И миром дышала земля
По берегу Древы шумливо-упрямой[1])
У города Лиенца в горах
Страстей раз'игралась кровавая драма
В казачьих больших лагерях.
Ссылаясь на договор Ялтинский силой[2])
Приказом английских властей
Советам безжалостно выдано было
На смерть тридцать тысяч людей.
Сначала военных обманом собрали
К машинам пустым повели,
Закрыли. Оружие всё отобрали
И к русским сдавать повезли,[3])

[1]) Горная река Северной Италии

[2]) На основании договора между представителями союзных командований (Вена 23 мая 1945 года) в развитие Ялтинского соглашения подлежало насильственной передаче все население беженского казачьего лагеря „Казачья Стана."

[3]) Весь офицерский казачий состав, запас, и те кто был в отставке были вызваны якобы на совещание в город Шпиталь. Бывших советских подданых оказалось 3%, остальные по выполнению Ялтинского договора передаче не подлежали. Охрана безоружных людей была громадна: и автоматы и танкетки, на каждом кузове и в каждой кабине автомашины-автоматчики, а сзади грузовики со слезоточивыми бомбами. Судьба 2.146 офицегов во главе с ген. Шкуро А. Т. и его адьютантом сотником А. Половины была след.: — оказались советской разведки и были освобождены. 120 человек растреляно по-пути к Вене советским конвоем. 1040 человек изчезли при повторных допросах от Грац до Вены. 983 человека изчезли после допроса в Вене.

От них еще пыль не легла по дорогам,
Как хлынул по рельсам поток
Других эшалонных закрытых острогов —
Груз жизней везли на Восток.
А он состоял весь из жителей мирных,
Избитых несчастных людей —
Казачьих семейств разлученных и смирных
Седых стариков и детей.
Растерянных женщин, больных, инвалидов,
Попавших в кровавый угар,
Повергнутых грозной рукой Немезиды
В людской беспощадный пожар.
Везли на расправу, назад возвращали
Большой человечий улов
И бедные люди напрасно взывали
К гуманности наших[4]) веков.
Трагедия в Лиенце позорное бремя,
Безжалостной казни клеймо,
Ни новые распри держав и ни время
Во-веки не смоют его.

Глава 25

Заботливо солнце ласкает и греет
Воскресный проснувшийся день
И праздничный Кемптен цветет и светлеет
Войны отогнав злую тень.
Плывет очарованный воздух и тает,
Прозрачна небесная синь
Молитве земли небеса отвечают
Торжественным словом: аминь...
Везде собираются люди молиться
И в беженских малых церквах
И в кирхах Творцу все спешат поклониться
С молитвой одной на устах:
Тебе Сотворителю Славы и Века,
Земли Властелину, небес
Простая молитва раба человека,

[4]) Все эти люди, попавшие в событие разыгравшейся кровавой трагедии напрасно взывали к епископу Кентерберийскому и к Черчилю. Яд Ялты — насильственная репатриация уже отравляла сборные пункты — места скоплений других беженских лагерей.

Познавшего силу чудес.
Любви, благодарности, славы молитва
От всех переживших войну,
Имевших со смертью кровавую битву
И встретивших эту весну." —
Так молятся русские в лагере белом
В подвальную церковь сойдясь
И Господа славят открыто и смело
С другими в молитве роднясь.
В числе преклонивших колени с другими
Арина и Надя стоят
Горячей молитвой словами простыми
Заветные мысли, летят.
Мелькают огни в полумраке свечные,
Икон освещается лик,
Молитвы чудесные детско-простые
Вас знает лишь русский язык.
Вдруг кто-то ворвался в алтарь торопливо
Священнику что-то сказал
И страшная весть облетела пугливо,
В смятеньи застывший подвал.
Минута не больше прошла, на пороге
Солдат показался отряд,
Священник на встречу пошел, но с дороги
Был сбит и отброшен назад,
Схватили его, потащили куда-то,
Ворвались галдящей толпой,
Хватать стали силой подряд всех солдаты
Из церкви тащить за собой.
Двор лагеря был переполнен, встревожен
Отчаянным криком людей,
Волненьем глухим ни на что непохожим
И звуком нерусских речей.
Машинами, клочьями женской одежды
Винтовками, гулом солдат
И следом внезапно ушедшей надежды,
В которую верить хотят.
Одно стало ясно — людей выдавали[1])

[1]) Выдача в Кемптене была 12 августа в воскресенье. Было объявлено, что все покинувшие С.С.С.Р. позже 1938 года должны возвращаться на родину. Большевики умело подвели категорию этих людей под один из пунктов Ялтинского договора, заставив этим союзников в том числе и американцев служить этому грязному делу позора в истории человечества, когда политические беженцы насильно выдавались назад на смерть или каторгу

По чьей неизвестно вине
Одних просто грубо в машины толкали,
Других отгоняли к стене.
Какие то списки зачитывал кто-то,[2])
А воздух от криков дрожал
И снова в машину тащили кого-то,
Чью участь Всевышний решал.
Там ребра кому то прикладом сломало, —
Старик был какойто убит,
Без памяти несколько женщин лежало
И плакали дети навзрыд.
Воскресная праздничность дня отшумела,
Духовная низость земли
Вершала порочное темное дело
Грехи умножая свои.
Молитва затихла. Лишилась покоя
Небес синеватая высь,
Лишь смертников скорбно-дрожащей рукою
Крестила усталая жизнь.

Глава 26

Лес... Сонные ветви деревьев притихших,
Спокойствия час золотой,
Рубин облаков солнцу вечер простивших
За встречу с царицей звездой.
Зеленая тишь... Необъятность покоя,
Лишь изредка дятела стук,
Величие мощных дубов вековое
И белой березы испуг.
Поляна, лесного ручья бормотанье,
Травы порыжевшей волна
И вновь благотворная гордость молчанья
В шуршаньи листвы — тишина...
Совсем необычным казалось и чуждым
В закате осенних лучей
Присутствие шумно-крикливых ненужных
Спокойному лесу людей.
Усталые люди пришли сюда к ночи
Большой боязливой толпой
Кто бросился вглубь, кто прилег у обочин
Встревожив дремучий покой.

только за то, что волею судеб им пришлось повидать заграницу и они начали более правильно понимать сущность обмана советского режима.

[2]) Зачитан был список 410 человек, которые составляли первый резерв отправки.

Узнали как плачут голодные дети
Владенья просторов лесных,
Как молятся люди на бледном рассвете
Об ужасах дня прожитых.
В тени у ручья под дрожащей осиной
На светлой поляне большой
С пришельцами Надя сидела с Ариной
Внимая природе лесной.
Молчали, как будто бы тайну какую
В зеленой тиши хороня,
Но мысли все вновь возвращались волнуя
К кошмарам минувшего дня.
Толкает солдат по ошибке Арину
И гонит к далекой стене,
Где белые русские больше мужчины
С детьми от других в стороне.
А там посредине двора под конвоем
Машин нескончаемый ряд
И люди вокруг потревоженным роем
О чем то в испуге кричат.
Их гонят в машины солдаты сердито,
Прикладами машут, — скорей.
Толпу подгоняя, судьбою забитых
На муки идущих людей.
Вот Надю ведут и толкают в машину
Она исступленно кричит,
Без памяти падает на земь Арина
К ней кто-то на помощь спешит.
Какой-то сосед помогает очнуться,
Стараясь утешить ее
Бог дочери Вашей поможет вернуться
Предчуствие свято мое.
Крепитесь на все ведь Единая Воля
Молиться мы с Вами должны
Нас всех разделили — жестокая доля —
Я тоже лишился жены.
Как прыгнуть на полном ходу из машины
И чудом с другими спастись
И Наде увидеться снова с Ариной
Велела судьбе сама жизнь.
Торжественно солнце садилось прощаясь
С воскресной лазурью небес,
Когда все спешили из сил выбиваясь
По улицам Кемптена в лес.
Покой и безмолвие мирного леса
И шум однотонный ручья,

Природы защитная скрыла завеса
Бушующий рок бытия.
Но вскоре покой разговоры смутили
В течение нескольких дней
Теперь в Равенсбу ге повсюду ловили
Бездомных советских людей.
Жестокое чуждое слово „советский",
Приклеенный красный ярлык
И здесь далеко на чужбине немецкой
Злом русских клеймил горемык.
Надвинулась ночь... Тихо дети заснули
Лес замер. Над сонной землей
Звезд ясных глаза огневые взметнулись
За первой вечерней звездой.
Все стихло.... Людей голоса замолчали,
Взошла молчаливо луна,
Одетая в траур осенней печали
Всевышнего тайне верна....

Эпилог

Шло время и бури войны затихали,
Закончился выдачей страх,
По странам людей развозить начинали,
Улучшилась жизнь в лагерях.
В комиссиях дни беспрерывных мелькали,
Но к цели желанной пришли
Во Францию Надя с Ариной попали
И даже Степана нашли.
Степан жил с француженкой, в пьянстве глумливом
Не рад был он встрече с семьей,
Угас луч надежды годами хранимый,
Отметивши жизнь пустотой.
Все вместе: болезнь, нищеты бесприветность,
Удар предрешённый судьбой
Незнанье страны, языка, беспросветность
К развязке вели роковой.
Читатель, там были мы вместе с тобою
В тот вечер, но помнишь ли ты?
Каморку, кровать, над сырою стеною
Лампадку и скорьбь суеты.
И может, как я, ты подслушал случайно,
Ступив за запретный порог
Последнюю жизни тяжелую тайну
Подведенных дней эпилог.

Стонала больная, рвалась, задыхалась,
Все силилась что-то сказать,
Глядела с мольбою, хрипела, металась
И мучилась Надина мать.
А вестница смерти витала над нею,
Кружилась быстрей и быстрей
Агонии дикая птица темнея
К добыче стремилась своей.
Все тише и тише, дыханье слабеет,
Страшнее минуты бегут,
Холодную пропастью вечности веет,
Где песню о смерти поют.
Собравши последние слабые силы
Арина глаза подняла
На Надю свой гаснущий взор устремила
И тихо шептать начала.
Вся жизнь пережита до точки до края,
Мы вместе по жизни прошли
Ты дочка моя ты одна понимаешь
Страданья и слезы мои.
Печаль и заботу судьбы одинокой
Кошмарную, жуткую жизнь,
Но корни надежды и веры глубокой
В груди моей тесно сплелись.
Надежда на встречу на радость и счастье
Светилась далеким огнем
И я забывала земные несчастья
И дума была об одном.
Был каторжным труд мой, безрадостны ночи
Но жизни упрямая нить
Узлами событий играет и хочет
Заставить надежду любить!
Ты выросла, Надя, в суровые годы,
Лишений голодные дни,
Смерть бабушки, помнишь ли ты непогоду,
Когда мы остались одни?
Ты помнишь волненье и страшную новость
Начало ужасной войны?
Застывшую в воздухе злую суровость
Злых бедствий родной стороны?
Ты помнишь убитых холодные лица
И пурпурно-красную кровь,
Но было к чему нам душою стремится
Спасала нас наша любовь.
Пожары и голод, разгром, разрушенья
Всех стран по которым прошли
Познали мы страх, бессердечность, глумленье

И что мы с тобою нашли?
Искали мы счастья по белому свету,
Твоего мы искали отца,
Но вот оказалось ненужным все это,
А жизнь прожита до конца...
Да лучше совсем не дойти бы до цели
Попрежнему счастья искать,
Надежда и вера меня бы согрели,
Не страшно тогда умирать.
Я жизни последнюю нить потеряла,
Лишилась надежды, любви,
Арина замолкла, потом застонала
И вдруг захлебнулась в крови.
Закашляла, с криком в бреду заметалась,
Хрипела, стонала, звала,
С ушедшей потерянной жизнью прощалась
И стихла навеки она...
Судьбе без'исходностью горькой грозивши
Молчанья спустилась стена
И Надя у трупа колени склонивши
Лишь с горем осталась одна.
Одна на чужбине, одна без защиты,
Одна, бесконечно одна,
А темные брови нахмурив сердито
Рыдала вокруг тишина.
И только лампадка дрожала мерцая,
Как лепет неслышной мольбы,
Ушедшую жизнь теплотой поминая, —
Простую пылинку судьбы.
А в мире опять поднималась стихия
Тревожно дремавшей войны
И вихри кружились сердясь боевые
Над лоном родной стороны.
Воспрянешь ли в бурях ты снова, Россия,
Великих порывов полна,
Как встарь зазвенят ли просторы степные,
Железная рухнет стена?
Моря розольются ль, разверзнутся горы,
Свободною грудью дыша
И вновь обновленная юным задором
Проснется ли русских душа?
Снега и холодные льды вековые
Гимн солнцу весны запоют?
Зажгутся ль церквей купола золотые
И Господа славить начнут?
Разбудят ли ветры Тебя огневые,
Воспрянешь ли Ты ото сна?
Заснувшая в замяти века Россия,
Далекая мне сторона.....

Конец

Цена 2. дол. с пересылкой.

Также подготовлена к изданию и выйдет в свет вторая часть поэмы:

„**БЫЛОЕ**"

роман в стихах и

сборник стихов.

Заказы направлять в редакцию

Printed in U. S. A.